

СТР.5-7

**«САМ СЕБЯ К ТЕБЕ
ПРИГОВОРИЛ»**

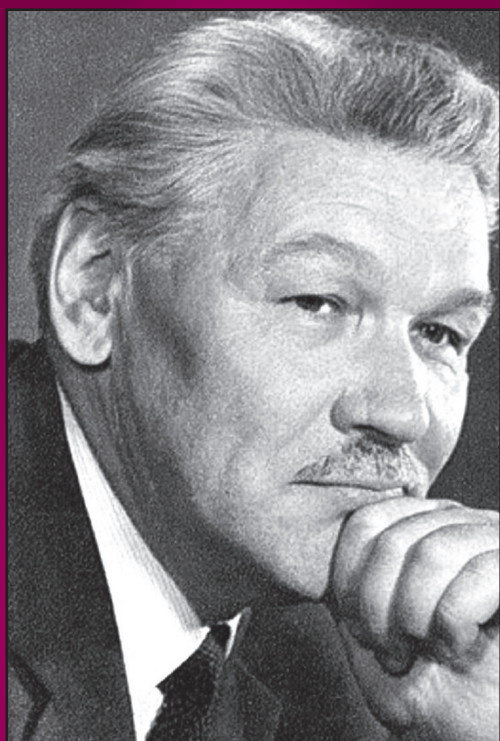
СТР.16-17

КЕЛДЫШ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№6 (296)
ФЕВРАЛЬ 2026

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

**ОТ ЛЕСОРУБА
ДО ПОЛКОВНИКА
ЗОРИНА**

СТР.8-11

**КРАСАВИЦА
ИЗ
50-Х**

СТР.6-7

**“BRAINSTORM”.
ПОРТРЕТЫ.
ВЫПУСК 3**

СТР.2

Геннадий Норд

Всеволод Васильевич Санаев - великий советский актер, создавший потрясающе человечные образы, навсегда оставшиеся в нашей памяти и сердцах. Он сыграл за свою долгую жизнь около ста киноролей, каждую из которых сделал правдивой, яркой и незабываемой, будь то звездная роль или крохотный эпизодик.

Немногие знали, что за кадром жизнь Санаева была трудной и временами безнадёжной, но он никогда не показывал вида, всегда был улыбочивым, приветливым и бесконфликтным - его уважали коллеги и любили поклонники.

Родился будущий актер в Туле. Его отец, дед, прадед и другие родственники по мужской линии были мастерами по изготовлению гармонок, и сам Всеволод с 14 лет уже работал в семейной артели.

Как-то в местный театр приехал с гастрольями МХАТ, и парню довелось увидеть их постановку «Дядя Ваня», после чего он буквально заболел театром, стал посещать драмкружок при Патронном заводе.

По вечерам он приходил в театр и готов был исполнять любую работу, чтобы хоть немного прикоснуться к этому удивительному миру.

Постановщики заметили видную фактуру парня, отметили его неподдельный интерес, и стали выводить на сцену сначала в массовке, а потом и на небольшие роли с репликами.

Всеволоду было уже 20 лет, когда он созрел для поступления в театральное училище и отправился в Москву, где сначала учился на театральном рабфаке, а после окончания легко прошел в ГИТИС, и уже на втором курсе получил небольшую роль в картине «Частная жизнь Петра Виноградова».

После получения диплома, он был принят во МХАТ имени Горького, в котором прослужил шесть лет.

Продолжал он и сниматься в кино, фильмография пополнилась такими замечательными фильмами как «Волга-волга», «Если завтра война», «Девушка с характером», «Сердца четырех» и другими.

Молодого актера заметил сам Иван Пырьев и доверил ему главную роль в своей драме «Любимая девушка», где партнершей Всеволода стала жена режиссера Марина Ладынина.

В 1938 году на гастрольях МХАТа в Киеве Санаев познакомился с красивой и серьезной девушкой Лидией Гончаренко, студенткой филологического факультета университета. У нее было много поклонников, на которых она смотрела слегка свысока, но актеру удалось завоевать расположение неприступной красавицы - ради него она бросила учебу и уехала в Москву.

Вскоре в семье родился первенец Алексей. Сева и Лида были невероятно счастливы, хоть бытовые условия оставляли желать лучшего - они ютились в крохотной комнатке в бараке, где не

было никаких удобств, даже воду приходилось носить с колонки.

Началась война, и Санаев отправил жену с сыном в эвакуацию в Алма-Ату. Через несколько месяцев малыш заболел дифтерией, инфекция протекала очень тяжело, спасти ребенка не удалось. Обезумев от горя, Лидия стала пробираться обратно к мужу, они смогли встретиться в Борисоглебске. Санаев переправил жену в Куйбышев и устроил на время у знакомых. Там в 1942 году Лидия родила дочь Елену, ставшую впоследствии актрисой. После войны супруги вернулись в Москву и получили комнату в коммуналке. Лида не торопилась устраиваться на работу - она всё еще не могла отойти от потери сыночка, не спускала с дочки глаз, всячески оберегая ее и не отпуская от себя ни на минуту. Все-таки не уберегла - Леночке было шесть лет, когда она заболела гепатитом, за несколько дней осунулась и пожелтела, и бедная мама уговорила врачей оставить ее у постели дочери в больнице.

Она выходила девочку, но вскоре случилась новая беда - как-то Лидия рас-

сказала политический анекдот на своей коммунальной кухне, и одна из соседок на нее донесла. В квартиру нагрянула проверка, стали выяснять личности Лидии Антоновны и Всеволода Васильевича, хотели даже арестовать женщину.

Тогда за семью вступился друг семьи Сергей Владимирович Михалков. Он смог устранить проблему, но из-за этого случая у Лиды стала развиваться мания преследования, она постоянно плакала и замыкалась в себе.

Скоро стало понятно, что ей необходимо серьезное лечение, и Санаев через знакомых смог устроить ее в хорошую клинику. Тогда ему пришлось очень нелегко, он, практически, оставил театр и сосредоточился на кино - там больше платили, хватало и на лечение жены, и на няню для дочки. Пришлось столкнуться и с непониманием коллег:

Всеволод Васильевич вспоминал:

- Актер Сергей Лукьянов просил совершенно серьезно: «Зачем тебе больная жена, не бросай театр, а брось ее».

Всеволод очень много работал, в то время стал плодотворно сотрудничать с

ОТ ЛЕСОРУБА ДО ПОЛКОВНИКА ЗОРИНА

С Любовью Орловой в фильме «Волга-Волга» (1938)

В фильме «Девушка с характером» (1939)

В фильме «Оптимистическая трагедия» (1963)

В фильме «Возвращение «Святого Луки»» (1970)

Василием Шукшиным, и очень гордился возникшей между ними дружбой и доверием.

В 1963-м к актеру пришла настоящая известность, вышли сразу три картины с его участием, в двух из них он сыграл главные роли: «Это случилось в милиции» - майор Николай Сазонов и «Оптимистическая трагедия» - Сиплый.

Потом были такие полюбившиеся зрителям ленты, как «Ваш сын и брат», «За нами Москва», «Печки-лавочки», «Там, за горизонтом» и кинотрилогия про полковника Зорина: «Возвращение «Святого Луки»», «Черный принц», «Версия полковника Зорина».

Между тем, дома Всеволоду покоя не было - лечение, практически, не помогало Лидии, психическое заболевание прогрессировало, она либо находилась в глубокой депрессии, либо в состоянии чрезвычайной активности и агрессии, и доводила домашних придирками и скандалами.

Актер старался не допускать крайностей, пытался шутить, веселить жену, не замечать ее постоянного недовольства, но однажды и его терпению пришел конец, и он всерьез задумался о разводе.

Как раз тогда к ним приехала погостить его мать, и он долго плакался ей на кухне, признавался в своей беспомощности и отчаянии, а потом сказал, что хочет разойтись с Лидией. Мама слушала сына, гладила его по голове, а по поводу развода сказала:

- Нет, сынок! Санаевы так не поступают. Теперь это твой крест.

Он смирился, а со временем понял, что и сам не смог бы бросить женщину, подарившую ему свою молодость и родившую двоих детей. Он понял, что еще потеря сына дала толчок психическому заболеванию жены и отчаянно ее жалел.

С Леонидом Куравлевым в фильме «Ваш сын и брат» (1965)

В фильме «Чёрный принц» (1973)

Теперь он уже не раздражался из-за ее приступов, старался уделять больше времени, гулять, ездить отдыхать куда-нибудь.

Тем временем выросла дочь Елена, пошла по стопам отца, окончила ГИТИС, вышла замуж, родила сына Павлика. Уезжая с театром на гастроли, она часто просила мать посидеть с Пашенькой, и Лидия Антоновна с удовольствием соглашалась. Она совершенно преобразилась рядом с маленьким внуком, как будто забывая о своей болезни, но, когда дочь приезжала его забрать, долго и нудно выговаривала ей, что она плохая мать, и вместо того, чтобы заниматься собственным сыном, занимается всякой ерундой.

В начале 1980-х у Лидии Антоновны обнаружили склероз мозга, а еще через

несколько лет ей понадобилась сиделка - муж и дочь работали и не могли постоянно находиться с ней, а одну ее оставлять стало невозможно.

Всеволод Васильевич был всё также очень востребован в кинематографе, в те годы вышли фильмы «С вечера до полудня» и «Белые росы», где он сыграл главные роли, а также и другие замечательные картины с его участием - «Тайна «Черных Дроздов»», «Мертвые души», «Первый парень», «Забывтая мелодия для флейты».

Последний фильм, «Ширли-мырли», в котором актер предстал в образе меломана вышел на экраны в 1995-м.

В том же году Санаев похоронил жену, с которой прожил в горе и радости 57 лет, а в последние годы она была как маленький ребенок, он ее кормил с ложечки, читал перед сном и пел колыбельные. Актер очень тяжело перенес уход жены, и так и не смирился с этой потерей, не смог без нее жить:

Елена Санаева:

- Он так плакал. Я-то думала, что после смерти мамы он сможет быстро вернуться к жизни, найдет себе новые интересы, но он пережил ее всего на десять месяцев.

■ - Почему?

- Когда у них родился сын, она приехала показать наследника, а бабушка сказала: «Он жить не будет».

Мама оторопела: «Почему?»

- У него глаза пустые.

Мальчик умер во время войны - у него были дифтерит и корь. Один раз только мы с мамой приезжали в Тулу, когда мне было лет пять, после этого уже нет. Как-то с родней тульской не очень получилось. А папа почитал очень и маму, и отца. С сестрами общался, с братом.

■ - Какая это была семья?

- Патриархальная. Мать занималась детьми, отец работал. Папа обращался к родителям на «вы». Так было принято в их семье. Каменный домик, который принадлежал Санаевым, и сейчас стоит на улице Осташева в Чулково. Дедушка - потомственный оружейник, и брат его тоже. Они работали на патронном заводе. Потом он перешел на гармонную фабрику и был настройщиком. Настройщиком работать - это же надо иметь особый слух. А папе моему, поскольку он не очень хорошо учился, сказал:

- Ладно, Ломоносова из тебя не выйдет, давай иди работай.

И он пошел работать половинщиком на гармонную фабрику. Лет шестнадцать ему было. Половинщик - это тот, кто собирает гармонию.

■ - А сам на гармонии играл?

- Нет. Если надо для роли - спел бы. Я вот поющая актриса, а папа нет, нигде не пел. Да и как-то дома музыка не звучала. Но мне мама рассказывала, что во МХАТе, когда-то шел спектакль «Домик в Черкизове» по пьесе Арбузова, она видела папу в этом спектакле и сказала, что он танцевал, как бог.

■ - Как же получилось, что из гармонщика он вдруг стал актером?

- Знаю, что папа любил копировать людей, и у него это здорово получалось.

В фильме «Версия полковника Зорина» (1978)

Вскоре ему диагностировали рак, метастазы распространялись очень быстро.

Удалось поговорить о Всеволоде Васильевиче с его дочерью, актрисой Еленой Санаевой.

■ - Ваш папа большую часть жизни прожил в Москве. А домой, в Тулу, родители часто приезжали?

- Папа никогда не отказывался, если появлялась такая возможность. Все-таки родной город. Дедушка, его отец, ушел из жизни раньше. Он погиб, но не во время войны. Сорвался с машины и повредил себе внутренности. Когда не стало и бабушки, папа всё равно ездил. Навещал брата, сестры там жили. А мама моя - нет, не любила ездить в Тулу.

Его отец иногда говорил: «Севк, покажи такого-то».

А потом, когда работал на гармонной фабрике, очень удивился, что мастер, с виду серьезный человек, ходит с тетрадкой, какой-то текст повторяет. Оказалось, тот ходил в драмкружок при заводе. Потрясло папу, это я слышала от него самого, когда приехал МХАТ на гастроли в Тулу.

Папа сказал мне:

- Было такое ощущение, что я стою у открытого окна дома и подглядываю чужую жизнь.

Так всё сошлось: приезд старого МХАТа, этот мастер, который ходил и бубнил что-то, а оказалось, это текст. Папа пошел в драмкружок, где ему сказали:

- Культуры в тебе маловато.

Папа попросил:

- Не выгоняйте меня, я буду все делать. Его оставили. Он изображал шум за сце-

С Николаем Олялиным и Борисом Зайденбергом в киноэпопее «Освобождение» (1968-1971)

ной, работал осветителем. Потом ему доверили несколько слов со сцены сказать.

Всё равно же до большой сцены очень далеко...

- Там, в этом драмкружке, был один опытный актер. Он сказал: «Сева, у тебя такая большая тяга, тебе надо учиться».

Папа объявил родителям, что хочет стать артистом и поедет в Москву. Те решили, что он просто не хочет работать. Папа взял немного денег, огурцы, помидоры, буханку хлеба и поехал в совершенно незнакомый город. На первых порах пришлось даже на вокзале ночевать. Выяснилось, что он не может учиться на артиста: у него всего семь классов образования. Тогда он пошел на рабфак. А после рабфака - в театральное училище, где преподавал блестящий актер Николай Плотников из вахтанговского театра.

Папа писал домой родителям письма, что у него всё хорошо. Но жил он где-то в районе Собачьей площадки, поэтому адрес писал «До востребования». Не напишешь же «Собачья площадка», дома сразу скажут, что пропал парень. Хотя Собачья площадь была недалеко от американского

С Василием и Лидией Шукшиными в фильме «Печки-лавочки»

В фильме «Белые Росы» (1983)

посольства, вроде центр Москвы.

Потом набирал курс мхатовский актер Иван Москвин, ученик Плотникова. И Плотников его попросил:

- Возьми моего парня, талантливый.

На выпускной спектакль приехал из Тулы его отец. Посмотрел и сказал матери:

- Не волнуйся, Севка у нас в порядке.

Отца и еще трех человек взяли во МХАТ, но во вспомогательный состав. Так в 1937 году он стал артистом МХАТа.

Получается, это тот самый МХАТ, который так восхитил его во время гастролей в Туле?

Мечта сбылась...

- Отец окупился в совершенно другой мир, где люди другой культуры. Это сегодня актеры могут ругаться матом, даже женщины. Тогда это было невозможно. Я у папы как-то спросила:

- А что отличало, например, Бориса Георгиевича Добронравова, знаменитого актера МХАТа, чем он запомнился?

Папа сказал:

- Ты знаешь, у него фосфоресцировали глаза. Он с такой отдачей работал, что эти глаза были видны на галерке. Вот сегодня ты сидишь в зале, смотришь нынешних актеров, а их дальше пятого ряда

не слышно, не говоря уже о том, чтобы у них глаза сверкали.

Вот что такое был тот МХАТ. И папа попал в этот театр - гениальных актеров, гениальных режиссеров. Это чудо.

Все хорошо, вот только знаменитые старики просто так свое место на сцене не уступали же...

- Ну, тогда они не были стариками. Папе дали комнату, куда он привез мою маму-киевлянку. Комната в девять метров, а в двух других комнатах жил Павел Владимирович Масальский со своей женой и пасынком Константином Градополовым. Мама не очень уютно здесь себя чувствовала. Там родился Алешенька, который умер во время войны. Меня сюда привезли из эвакуации, я родилась во время войны, в 1942 году. Я в школу пошла из этой комнаты. Потом папе дали 14-метровую комнату, тоже в коммуналке, где света почти не было.

Потом еще улучшили - 16 метров в знаменитом доме на улице Немировича-Данченко.

Но в театре дела шли не очень хорошо. Папа, в конце концов, сказал Тарасовой, которая была директором театра:

была та «закваска», которую он получил от Плотникова, Москвина. Играя просто слугу Чацкого, он общался с самим Качаловым. Мы даже как-то были у него в гостях. Меня брали с собой, дома оставить было не с кем. Папа его спросил:

- Василий Иванович, а у вас есть враги?

Он ответил:

- Есть, но я их не замечаю.

Мама серьезно болела?

- Она на общей кухне рассказала как-то анекдот, но осведомители же тогда были везде. Пришли люди из НКВД, узнавали, почему она не работает. А я однажды чуть не умерла от инфекционной желтухи, и мама, потеряв уже одного ребенка, тряслась надо мной. Да и папа в 35 лет перенес инфаркт. Поэтому мама бдила нас день и ночь, чтобы мы были здоровы, чтобы у папы сердце не болело. Она нам отдавала всю жизнь. Она была умна, остроумна, начитана, очень хороша собой.

Потом узнала, что ей интересовались. Помню, мы пошли на Кузнецкий мост. Там в общей квартире, в маленькой комнате метров в семь, окно выходило на лестничную площадку и стеклянный потолок, жила жена актера Лаврентия Масохи.

- Алла Константиновна, я решил уйти. Она удивилась:

- Почему, Севочка? К Вам все так хорошо относятся.

Он ответил, что тех ролей, ради которых мог бы остаться, не видит. А у него не очень здоровая жена, дочь, и надо улучшить жилищные условия.

Надо иметь смелость расстаться с самым знаменитым театром страны.

- Это было его спасение. Пришли роли в кино, положение изменилось. Конечно, надо было иметь большое терпение, выдержку, любовь к профессии. Это

Мама ей рассказала, что случилось. Это был год 1951-й, наверное. Та говорит:

- Ты что, с ума сошла? Вот этого посадили, этого посадили.

И всё, мама заболела.

Помню, папа уехал на съемки в Ленинград, а у мамы началась мания преследования. Мы с ней едем в троллейбусе - ей кажется, что за ней следят.

Мы вылетаем из троллейбуса, она хватается такси, едем домой. Там она меня заворачивает в плед, просит, чтобы я легла незаметнее.

Когда это случилось, тоже папа мне рассказывал, ему посоветовали:

- Севка, уйди в одном костюме, оставь всё; дальше будет только хуже.

С Ниной Алисовой в фильме «Ширли-мырли» (1995)

Лидия Санаева с дочерью Еленой

В фильме «Забывтая мелодия для флейты» (1987)

Это были люди одной кровеносной системы, сообщающиеся сосуды. Папа ей говорил: «Лида, я считаю, что всему, чего я в жизни добился, обязан тебе».

■ - Однолюб?

какая для ходьбы. Люди подходили к нему и говорили:

- Всеволод Васильевич, как мы Вас любим. Вы живите только.

Папа в щеточку усов своих улыбался и говорил:

- Лель, мы, конечно, стреляные гильзы, но все же приятно, что люди так относятся.

Рыбалку любил, с поэтом Дербеневым они часто ездили ловить рыбу. Удивительно теплый человек. Лариса, моя подруга, говорила:

- Когда папа твой пришел домой, как будто солнышко выкатилось, освещает все. Многие мужчины не умеют ведь болеть. Что-то канючат, требуют. А он как-то улежится, чтобы только его не трогали.

Вообще, он с юмором относился к себе. У нас в доме, в подвале, обувная мастерская. Как-то возвращается, говорит:

- Лель, у меня голова чугунная. Спустился в обувную, поскользнулся, летел турманом. Знаешь, кто такие турманы?

■ - Конечно, голуби.

- Не просто голуби, а те, которые в полете еще и делают кульбиты. Кто ж в его юности не увлекался голубями? У них в Туле был дом с двором. Наверное, где-то были и голуби, какие-то ватаги.

■ - Вы в себе угадываете какие-то отцовские черты характера?

- Терпение. Уважение к профессии. Та «закваска», которая была взята папой еще из своей семьи. Когда разваливался Союз, папа сказал: «Леля, что делалось

С дочерью Еленой

Папа ответил:

- Эта женщина отдала мне свою молодость, родила мне двоих детей. Собаку больную на улицу не выкидывают, как же я могу оставить нездоровую жену?

Маму положили в больницу Ганушкина с манией преследования. Полгода она там пробыла. Лечили ее жутко - тогда это делали инсулиновыми шоками. Больше никогда мания преследования не повторялась, но депрессии бывали. Она плакала часто.

Потом папа сделал ошибку. Когда мы должны были переехать в отдельную квартиру, мама начала волноваться, плакать. Папа сказал:

- Лидуся, у тебя нервы расшатались, может, ляжешь в санитарное отделение? Тебя там подлечат.

Положили ее не в Ганушкина, в другую больницу. Помню, мы приехали навестить, у нее были совсем другие глаза.

Мама в ужасной депрессии вышла. Потом, наверное, папа всю жизнь себя клял за это. Депрессивность у нее так и осталась. Но она была абсолютно здоровым человеком.

■ - Всеволод Васильевич тяжело перенес ее смерть?

- Он вообще не хотел жить без нее. Пусть бы она сидела на диване, ничего не говорила, только бы была живая.

- Я, по крайней мере, ни о каких его романах на стороне не слышала. Когда мне было лет 16, папа сказал: «Знаешь, Леля,

Елена Санаева

С внуком Павлом

я ведь ездил в киноэкспедиции. Там бывали какие-то женщины, которые хотели со мной отношения иметь. Но я всегда говорил: «У меня есть жена, дочка, я никогда в жизни их не оставлю»».

Помню, когда мамы не стало, я за ним заехал. Мы выходим с ним вместе из подъезда, у него красивая тросточка та-

наверху, не знаю. А я в жизни кому мог помочь, помогал».

Он своего партийного билета не выкидывал. Так и прожил в своей двухкомнатной кооперативной квартире, которую купил, когда ему было 47 лет. Он не играл никогда левых концертов. У него не было никакого пафоса.